

DOI 10.32342/2523-4463-2017-0-14-123-127

УДК 82.09

А.А. БОНДАРЕНКО,
соискатель кафедры истории русской литературы
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

МОТИВ КОЛОКОЛЬНОГО ЗВОНА В ЦИКЛЕ М. ГОРЬКОГО «ПО РУСИ»

В статье рассматриваются особенности функционирования мотива колокольного звона на материале цикла М. Горького «По Руси». Колокольное начало присуще и человеку, и природе, связано с жизнью и со смертью, что позволяет рассматривать его как важную составляющую горьковской антропологии и онтологии. Анализ функций колокольного звона важен для понимания символического смысла произведений и особенностей звукового пейзажа, для трактовки образов персонажей. Также актуальна и эмоционально-психологическая функция, так как при помощи той или иной разновидности звучания автор создаёт нужное настроение.

Ключевые слова: мотив, звон, колокол, аудиальность, звуковой пейзаж.

Колокольный звон является одним из важнейших, сквозных мотивов для русской культуры в целом и литературы в частности. Ввиду особого сакрального статуса восприятие колокольного звучания не ограничивается сферой музыкально-эстетического и учитывает значительный историко-культурологический и философский контекст.

В ряду литературоведческих исследований, рассматривающих семантику и символику колокольного звона, следует выделить работы Т. Агапкиной, Н. Атамановой, Э. Лассан [1; 2; 3; 4]. Однако творческое наследие М. Горького в этих работах не затрагивается. Между тем колокольное звучание очень важно для понимания символического смысла произведений, формирования звукового пейзажа, для трактовки образов персонажей. Кроме того, мотив колокольного звона является неотъемлемой частью исследования аудиальной составляющей прозы Горького. Анализ последней позволяет понять аудиальную картину мира писателя. Новизна этой работы обусловлена отсутствием специальных исследований, посвященных фоносфере рассказов Горького, включая и мотив колокольного звона.

Цель данного исследования – рассмотреть особенности функционирования мотива колокольного звона в цикле «По Руси» (1923), который еще не привлекал внимание ученых в предложенном аспекте. Из 29 рассказов цикла звон колокола упоминается в 10 («Ледоход», «Кладбище», «На пароходе», «Женщина», «В ущелье», «Калинин», «Ералаш», «Вечер у Шамова», «Как сложили песню», «Лёгкий человек»).

Традиционно основными функциями колокольного звона являются привлечение внимания и вместе с тем духовное очищение, возвышение. Колокол создает праздничное или, напротив, тревожное настроение. Будучи временным ориентиром, он упорядочивает повседневную человеческую жизнь, сохраняя при этом связь с высшей волей, ввиду размещения в церкви – доме Божьем [5; 6].

В цикле встречаются две основные разновидности колокольного звона: праздничный или воскресный перезвон и звон одиночного колокола (благовест или перебор). Звук колокола может выполнять чисто служебную функцию (призыв на богослужение, обозначение временных периодов), а может наполняться символическим смыслом. Иногда эти функции совмещаются. О символическом значении колокола говорит один из героев рассказа «Вечер у Шамова»: «*Прошу покорно – верь поэтам! / Вы все на колокол похожи, / В кото-*

рый может зазвонить / На площади любой прохожий! / То – смерть зовёт, то – хочет жить!» [7, с. 393]. В этих строчках из поэмы А. Майкова «Три смерти» обозначены два полярных аспекта семантики колокольного звона: это жажда жизни, бьющая ключом витальность, заразительный оптимизм или, напротив, трагическое переживание близости неминуемого конца, рождающее призыв к смерти. Таким образом, колокол оказывается связан с жизнью и со смертью. Заметим, что в горьковском цикле колокол нередко приобретает антропоморфные черты, что соответствует традиционным представлениям: «колокол мыслится как живое, одухотворённое существо, во многом подобное человеку. <...> Язык колокола уподоблялся бьющемуся сердцу <...> Колоколам приписывалась способность чувствовать и переживать» [1, с. 218–220].

Праздничные трезвоны в рассказах Горького связаны с Пасхой, Успением, крестным ходом или воскресной службой (для православного человека воскресенье – малая Пасха, недаром этот день носит название самого большого праздника православных христиан – Святого Воскресения Христова).

В рассказе «Ледоход» печальный вздох одинокого колокола звучит предвестием праздничного перезвона, передавая томительное ожидание чуда: *«Грустно вздыхает гулкая медь колоколов, но – я помню, что через сутки, в ночь, они грянут весело, возвещая воскресение. / Дожить бы до этого звона!..»* [7, с. 170]. Также здесь отражено беспокойство за собственную жизнь, ведь рассказчик находится посередине реки с тронувшимся льдом. Пасхальный звон уже звучит жизнеутверждающе, ведь человек пережил катарсис, буквально перерождение, став снисходительнее к другому: *«Гудят, поют колокола, и радостно думается: «Еще сколько раз я встречу весну!..»* [7, с. 178]. Чтобы ощутить свою причастность чуду Воскресения и услышать пасхальный перезвон, герои рассказа подвергают себя смертельной опасности, переходя реку во время ледохода. Эта сюжетная ситуация может рассматриваться как символическое утверждение торжества жизни над смертью. Как Пасха напоминает о воскресении Христа, так обновляются души людей, становясь добрее, чище и возвышеннее. Даже сомнительный в нравственном отношении проводник в глазах рассказчика вдруг становится похож на Святого Николая Угодника, возвышаясь над самим собой.

В рассказах «Ледоход», «На пароходе», «Ералаш» колокольный звон доносится из-за реки, которая выполняет роль символической границы. Всякий раз он оказывает сходное воздействие, отрезвляя и возвышая человеческую душу, рождая чувство справедливости. Под воздействием колокольного звона пробуждается совесть в герое рассказа «На пароходе», который принимает решение разделить участь своих дяди и брата, приговорённых к каторге. Эта функция подкрепляется призывной и воодушевляющей силой колокольного звона: *«Было воскресенье, на горе заманчиво звонили колокола»* [7, с. 259].

В рассказе «Ералаш» на берегу реки стоит большое село с церковью, звон колоколов которой освящает округу и становится частью весеннего мира (*«благовонно поют колокола, и надо всем радостно царит пресветлое солнце, родоначальники людей и богов. / Сияет солнце, как бы внушая ласково: «Прощается, вам, людишки – земная тварь, – всё прощается...»*) [7, с. 379]. Эта мысль о всепрощении особенно важна, так как по другую сторону реки находится постоянный двор, где много грешат – врут, воруют, клеветают. Здесь свёкор взял в любовницы вдову своего сына, у неё же в любовниках – татарин, которого она подстрекает на убийство. Можно подумать, что эти люди отлучены от благословения храма на другом берегу, однако, всеобщее прощение распространяется и на них – под «праздничный шум милой грешной земли». Так христианская идея всепрощения парадоксально смыкается с ницшеанским имморализмом.

Торжественное и праздничное звучание колоколов, гармонично сливаясь с природными звуками, задаёт особенный, возвышенный тон: *«во все звуки втекает колокольный звон, смягченный расстоянием, волнующий душу. Кажется, что серый день всюю своєю работою служит акафист весне, призывая ее на землю, уже обтаявшую, но голую и нищую»* («Ледоход») [7, с. 163]. Напомним, что акафист – это хвалебное песнопение, религиозный благодарственный гимн [8]. В данном случае природа возносит моление весне, знаменующей обновление жизни и прилив жизненных сил. Такого рода пантеистическая гимнаграфия характерна для мироощущения Горького, причем колокольная симво-

лика используется и в пейзажных описаниях, где не присутствует собственно колокол: «Верхом раскрылись первые, мечеобразные лучи, концы их ослепительно белы, и кажется, что слышишь, как с безграничных высот ниспадает на землю густой звон серебряных колоколов, торжественный звон встречу грядущему солнцу, — над лесом уже виден красный его край, — чаша, полная сока жизни, опрокинута над землю и щедро льет на нее свою творческую мощь» («На пароходе») [7, с. 155]. Здесь колокольный гимн рожден не земной колокольной, он льётся не во славу христианского Бога, а во славу солнца, которое оказывается жизнедающим центром, источником творческой, созидательной силы. Однако соотнесенность двух рассказов позволяет говорить о том, что в авторском сознании языческое и христианское не противостоят друг другу, а образуют некий синтез. Горький опирается на мифологическую и литературную традиции (достаточно вспомнить таких знаменитых солнцепоклонников серебряного века, как К. Бальмонт и В. Брюсов).

Литовская исследовательница Элеонора Лассан выделяет в качестве основной оппозиции в колокольной семантике радостный перезвон и тревожный набат. Как известно, набатный звон, сообщающий об опасности (наступлении врага, пожаре и т.п.), представляет собой непрерывные и частые удары в большой колокол [3]. В чистом виде таких звуков в цикле Горького нет. Однако сходное звучание встречается в рассказах «Женщина», «Ледоход», «Кладбище», «В ущелье», «Калинин», «Лёгкий человек». Например: «Сонный сторож неверной рукой четырежды ударил в колокол, два раза — тихо, один — очень громко и сердито, так, что медь взвизнула, и снова — тихо, чуть коснувшись певучей меди железным языком» [7, с. 287], «Дребезжит колокол, крики меди падают во тьму неохотно, паузы между ними неровны» [7, с. 281]. Такой повторяющийся звук выполняет свою первичную функцию — привлечение внимания. Он звучит в переломные моменты жизни героев, когда они должны принять важное решение, сделать какой-то выбор. Однако герои зачастую остаются глухи к знакам свыше.

От набата отличен благовест — колокольный звон, несущий благую весть. Обыкновенно им собирают людей на церковное богослужение. По своей структуре это поочередные удары в один большой колокол с равными паузами: «Новый звук долетел в ущелье, где-то в степи ударили в небольшой колокол: суббота была, звали ко всемошней» («В ущелье») [7, с. 313]. Этот звук отзывается в природном звучании — звоне реки: «...порозовела пена реки, но звон её примолк, льётся глуше, задумчивей, и онемел лес, спустившись ближе к воде» [7, с. 303]. Речной звон становится инструментом духовного очищения и возвышения человека, приобщившегося к природной гармонии в поисках истинного: «назойливое, однотонное пение старика не к месту здесь, где всё поёт само для себя так славно, что не хочется слышать ничего, кроме мягкого шороха леса, звона реки» [7, с. 298]. В местности, где, по словам одного из персонажей, «церквей... маловато», сама природа берет на себя функции благовеста: река «бежит по камню, торопливо и звонко, пенно-белая река, звуков немного, но кажется, что всё вокруг поёт и говорит, заставляя людей молчать». Река, ночь, поющая тьма выполняют свою миссию: «Такими ночами душа одета в свои лучшие ризы и, точно невеста, вся трепещет, напряженно ожидая: сейчас откроется перед нею нечто великое» [7, с. 307].

Эпитет «звонкий» часто используется для характеристики человеческого голоса, который выделяется на сравнительно спокойном звуковом фоне. Так, в рассказе «Ледоход» звонкий голос проводника разносится над рекой, которая готова вот-вот сорвать ледяные оковы. «Шагай, не оглядывайся! — звонко командовал вожатый <...> Перескочит, останется на секунду и, осматриваясь, звонко кричит: / — Гляди, как надо, эй!» [7, с. 167–172]. Сила этого голоса является залогом жизни еще нескольких человек. Сходную функцию выполняет звонкий голос и в рассказе «В ущелье»: «Вокруг барака, чётко выделяясь на светлой его полосе, сутились, как на пожаре, тёмные фигуры, ломали что-то, трещало и шаркало по камню дерево, звонкий голос весело командовал: / — Тихо-о! Сейчас я всё налажу...» [7, с. 316].

Голоса, которые сближаются по характеристике со звучанием колокола, то есть звучат звонко или, напротив, густо и гулко, претендуют на то, чтобы донести какую-то важную мысль, претендующую на истинность: «Другой голос, бодрый и звонкий, восклицает: / — Не тянись к барам, не пройдет даром...» [7, с. 248], «Мужик в чапане сказал звон-

ко и торжествуя: / – Пусть господь судит, а люди – будет!» [7, с. 262]. В других ситуациях крик, резко прорывающий круг привычных шумов, может приоткрыть подлинное состояние персонажа: «Перс, стоя на коленях, весело кивал нам головой и вдруг звонко крикнул / – Прочай!» («Весельчак») [7, с. 558]. Такой крик функционально также сближается со звоном колокола, который отвлекает людей от дел мирских, призывая подумать о главном – о душе.

В рассматриваемом цикле упоминаются и звучащие подобия колокола – колокольчики, часы, столовые приборы. Однако звучание этих предметов воспринимается сниженно, оттеняя высокое или контрастируя с ним. В рассказе «На пароходе» колокольчик и колокол противопоставлены друг другу. В то время, как колокол «заманчиво звенит» из-за реки, пробуждая всё лучшее в человеческой душе, мелкий и суетный колокольчик вписывается в ряд прозаических обыденных звуков, в шумовой фон, поглощающий и усыпляющий человека: «Сонно чмокают шлепки плиц, под палубой тяжело возится машина, сипит-вздыхает пар, дребезжит какой-то колокольчик, глухо ерзает рулевая цепь, но все звуки – не нужны и как будто не слышны в дремотной тишине, застывшей над рекой» [7, с. 244].

Таким образом, колокольный звон в цикле Горького сохраняет традиционные функции предсказания, очищения, отрезвления сознания, ободрения, призыва, предостережения. Помимо сюжетного значения, актуальна и эмоционально-психологическая функция, так как при помощи той или иной разновидности звучания автор создаёт нужное настроение. Мотив колокольного звона является сквозным для цикла, имея сходные характеристики и атрибуты. Представая в повседневных ситуациях, звук колокола наполняет бытовые зарисовки символическим смыслом. Колокольное начало оказывается присуще и человеку, и природе, оно связано с жизнью и со смертью, что позволяет рассматривать его как важную составляющую горьковской антропологии и онтологии.

Список использованных источников

1. Агапкина Т.А. Вещь. Образ. Символ. Колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян / Т.А. Агапкина // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М.: Индрик, 1999. – С. 210–282.
2. Атаманова Н.В. Символическое восприятие колокольного звона в языке русской поэзии / Н.В. Атаманова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12 (48). – Ч. 3. – С. 19–22.
3. Лассан Э. Колокол сменяется набатом (дискурс колокола в русской культуре) / Э. Лассан // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 3. – С. 28–42.
4. Лассан Э. Колокол как политический символ русской культуры (на материале русского поэтического дискурса) / Э. Лассан // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 62–71.
5. Виды звона и названия их [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://galinka.su/publ/kolokol/vidy_zvona_i_nazvaniya_ikh/36-1-0-306
6. Значение, история православных колоколов. Разновидности колокольных звонов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.golddomes.ru/kolokola/kolokola1.shtml>.
7. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. – Т. 14 / Максим Горький; Акад. наук СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1970.
8. Энциклопедия культурологии. Акафист [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1199/Акафист

References

1. Agapkina, T.A. *Vesch. Obraz. Simvol. Kolokola i kolokolniy zvon v traditsionnoy kulture slavyan*. [Thing, Image, Symbol, the Church Bells and Bell-Ringing in the Traditional Culture of the Slavs]. *Mir zvuchaschiy i molchaschiy. Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kulture slavyan*. [World of Sounds and Silence. Semiotics of Sound and Speech in the Traditional Culture of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 210-282.
2. Atamanova, N.V. *Simvolicheskoe vospriyatie kolokolnogo zvona v yazyike russoy poezii* [Symbolic perception of the bell ringing image in the language of the Russian poetry]. *Filo-*

logicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2014, no. 12(48), issue 3, pp. 19-22.

3. Lissan, E. *Kolokol smenyaetsya nabatom (diskurs kolokola v russkoy kulture)* [Bell changes with alarm (bell discourse in the Russian culture)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* [RUDN University Journal. Series Linguistics], 2014, no. 3, pp. 28-42.

4. Lissan, E. *Kolokol kak politicheskij simvol russkoy kulture (na materiale rysskogo poeticheskogo diskursa)* [Bell discourse in Russian culture]. *Policheskaya lingvistika* [Political Linguistics Journal], 2014, no. 2(48), pp. 62-71.

5. *Vidy zvona i nazvaniya ih* [Types of the bell ringing and their nomination]. Available at: http://galinka.su/publ/kolokol/vidy_zvona_i_nazvaniya_ikh/36-1-0-306 (Accessed 7 November 2016).

6. *Znachenie, istoriya pravoslavnykh kolokolov. Raznovidnosti kolokolnykh zvonov* [Meaning, history of the orthodox bells. Different types of the bell ringing]. Available at: <http://www.gold-domes.ru/kolokola/kolokola1.shtml> (Accessed 11 November 2016).

7. Gor'kij, M. *Polnoe sobranie sochinenii: in 25 t. Hudozhestvennye proizvedeniya* [Full collection of works: in 25 vol. Artworks]. Moscow, Akademia nauk SSSR, Institut mirovoj literatury imeni A. M. Gor'kogo, Nauka Publ., 1968-1976.

8. *Entsiclopediya kulturologii. Akathist* [Encyclopedia of the cultural studies. The akathist]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1199/Акафист (Accessed 12 November 2016).

У статті розглядаються особливості функціонування мотиву дзвону на матеріалі циклу оповідання М. Горького «По Русі». Дзвіноподібний елемент притаманний як людині, так і навколишньому середовищу. Він пов'язаний із життям та смертю, що дозволяє розглядати його як важливу складову горьківських антропології та онтології. Аналіз функцій дзвону дуже важливий для розуміння символічного змісту творів та особливостей звукового пейзажу, для трактування образів персонажів. Емоційно-психологічна функція теж актуальна, тому що різні типи дзвону використовуються автором задля відтворення необхідної атмосфери.

Ключові слова: мотив, дзвін, колокол, аудіальність, звуковий пейзаж.

The article is dedicated to a bell motif functioning on the material of the «Through Russia» cycle, written by M. Gorky. Bell origin is inherent to both people and nature. It is matched with Life and Death, what makes possible to consider it as a part of Gorky's ontology and anthropology. Bell sound function's analysis is important to understand symbolic meaning of the stories, realizing features of the soundscape and heroes' images. Emotional and psychological function is also important, because different types of bell sounds are used with the author to make special atmosphere.

Key words: motif, ring, bell, audialism, soundscape.

Одержано 14.11.2017